

Кузминская Татьяна Андреевна

**Моя жизнь дома и в Ясной
Поляне**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Т23

Т23 **Татьяна Андреевна К.**
Моя жизнь дома и в Ясной Поляне / Кузминская Татьяна Андреевна – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 192 с.

ISBN 978-5-519-91578-6

ISBN 978-5-519-91578-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Т. А. КУЗМИНСКАЯ (рожд. БЕРС)

МОЯ ЖИЗНЬ ДОМА И В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

ВОСПОМИНАНИЯ

1864 — 1868

ПРЕДИСЛОВИЕ И ПРИМЕЧАНИЯ

М. А. ЦЯВЛОВСКОГО

ИЗДАНИЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХ

1926

Обложка гравирована
на дереве А. Кравченко

Ленинградский Гублит № 4239/12. — 2800 экз.
Государственная Академическая Типография, В. О., 9 линия 12.

Закончив третью часть воспоминаний, покойная Т. А. Кузминская приступила к писанию следующей части, которая должна была заключать в себе рассказ о событиях 1870-х годов. Но из этой части Татьяна Андреевна успела написать лишь четыре главы, которые и печатаются в настоящей книге, в качестве приложения.

М. Цявловский.

25 января 1926 г.

Т. А. КУЗМИНСКАЯ

ВОСПОМИНАНИЯ

Часть III

И где бы, мирные картины
Прелестной сельской красоты.
Среди воинственной долины
Ношушь на крыльях я мечты.

Пушкин.

I

Операция отца.

Начало октября 1864 г. Мы в Петербурге у дяди Александра Евстафьевича, брата отца. Здоровье отца ухудшилось. Призваны лучшие доктора. За границу не едем. Решили делать операцию трахеотомии. Отец просил Раухфуса быть его оператором. Раухфус был тогда молод и только-что входил в славу. Выбор был удачен. Раухфус был не просто хороший хирург, — он был талантлив. Со временем это был популярная знаменитость, что не мешало ему сохранить во всю свою жизнь скромность и вести трудовую жизнь, делая добро, где только можно.

Отец простудился, и операция была отложена. В это время мы узнали о печальном известии — падении Льва Николаевича с лошади. Я писала об этом брату. Приведу отрывок моего письма (от 11 октября 1864 г.):

„Левочка поехал на охоту один с борзыми на сумасшедшей, никогда не ездившей на охоту, лошади Машке (это была английская заводская кобыла). Выскочил русак. Он:

— Ату его!..

И поскакал во весь дух. Наскочил на узкую, глубокую рытвину. Лошадь не перескочила и упала. Левочка с нее и разбил и вывихнул себе правую руку. Лошадь убежала домой. Он лежал без чувств. Когда очнулся, ему казалось, что все было очень давно. До шоссе было с версту. Он дошел и лег. Проезжие мужики положили его на телегу и привезли на деревню, в ближайшую избу. Он не хотел идти домой, чтобы не пугать Соню. Мама сказала ей об этом, и она почти бегом дошла до

избы в своем тяжелом положении. Приехал доктор Шмигаро и восемь раз принимался править руку, но ничего не мог сделать.

Мария Николаевна была тут, она гостила в Ясной. Они все трое не знали, что делать, и стояли, как растерянные.

На другой день уже приехал другой доктор, хирург, и вправил ему руку“.

Этот случай убедил меня, что одна беда никогда не бывает, а влечет за собою другую.

По ответу отца можно судить, как поразило его и всех нас это известие. Отец пишет (в ответ на письмо Сони, написанное раньше моего письма к брату) из Петербурга 6 октября 1864 г.

„Милые и добрые друзья мои, я нахожусь со вчерашнего дня в таком волнении, что не был даже в состоянии взять пера в руки, чтобы изъяснить вам мою радость и поздравление о новорожденной Татьяне. Вчера в два часа по полудни получили мы телеграмму, а в 4 часа принесли нам письма от мамá и Сони. Ужасная катастрофа твоя, любезный Лев Николаевич, так уничижила нас всех, что мы с Таней оба просто расплакались, и я долго не мог ее утешить; а брат мой принялся тебя бранить, что ты, как отец семейства, должен бы более себя беречь и не ездить на охоту на лошадях, которые не приспособлены к ней. Одним словом, твой вывих руки заглушил в нас всякую радость и навел на всех большое уныние.

Признаюсь, что я до сих пор не могу успокоиться. Вся эта ужасная картина: твои страдания — Соня, жена и все прочие, не знающие, за что взяться и чем пособить, и кончательно твой урод Шмигаро, который берется за дело, ему незнакомое все это расстроивает душу и наводит хандру, от которой я и так не знаю куда деваться . . .“

Настал ожидаемый тяжелый день. С утра начались приготовления. Помню эту безмолвную суету чужих лиц в белых фартуках, длинный стол в пустой комнате и дядю Александра Евстафьевича, энергично распоряжавшегося всем.

Когда все стихло, бодрым шагом вошел отец. Он не имел угнетенного вида, но милое лицо его выражало волнение.

Я с Лизой стояли в стороне. Отец обратился ко мне:

Таня, ты бы ушла, а Лиза пускай останется.
Лиза тоже обратилась ко мне с этими словами.

Папа, я не уйду, решительно сказала я.

Затем подошел Раухфус и тоже уговаривал меня уйти. До сих пор не понимаю, почему так настойчиво выпроваживали меня и оставляли сестру. Вероятно, мой непрочный вид, в сравнении с Лизой, не внушал доверия. Я опять повторила, что хочу быть с отцом и не уйду.

— Оставьте ее, пускай делает, как хочет, — сказал отец. — Я готов. Можно начинать.

Операция началась. Хлороформировать отца было невозможно. Наступила мертвая тишина. Лиза стояла около отца. Я оставалась на своем месте, поодаль, не спуская глаз с отца. Я видела, как он страдал.

Когда показалась тонкой струйкой кровь, послышался легкий стон, но стон не отца...

Я взглянула на сестру. Она помертвела, зашаталась, и один из фельдшеров сильной рукой схватил ее и почти вынес на руках в другую комнату. Ей сделалось дурно при виде крови.

Я испугалась за отца и близко подошла к нему.

Ничего, папа, Лиза сильная, ничего, ты не беспокойся, — говорила я, чтобы только его успокоить.

Я видела, что дурнота Лизы очень волновала его. Он взял меня за руку и так держал все время.

Я чувствовала, что ему было приятно иметь около себя близкое существо.

Операция продолжалась 35 минут.

Самая ужасная минута была последняя, когда трубку вставили в горло. Папа вдруг поднялся, стал как бы ловить воздух и показывать рукой, чтобы ему дали писать. Ему подали бумагу и карандаш, и он написал: „Задыхаюсь... умираю...“

Раухфус успокаивал его, что это сейчас пройдет, что это обычное явление: напор воздуха слишком силен. Раухфус учил отца дышать.

Эта страшная минута, когда я видела отца с блуждающими глазами и мертвенным цветом лица, мне показалась вечностью.

Оправившись после удушья, отец с чужой помощью перешел в свою комнату.

Я побежала к себе и, упав на кровать, плакала и молилась.

Следующие ночи Лиза и кузина попеременно дежурили у отца. Отец поправлялся, но медленно. Я дежурила у отца по вечерам. Я помню трогательное внимание его: для меня всегда был приготовлен пряник, мermелад или что-нибудь сладкое. Папа знал, что я это люблю, а дядя смеялся и дразнил меня говоря: „Ах ты, балованная báby!“¹⁾).

Мы получили телеграмму от Толстых, что Соня благополучна, и мамá приезжает в Петербург. Отец принял радостно это известие.

Мама в Петербурге. Я ожила. — „Теперь все пойдет на лад“, говорила я себе.

И действительно, отец сразу стал бодрее, он лучше и спокойнее спал ночи. Мама водворилась в кресле у его изголовья, и это внушало всем нам веру в хороший исход. С приездом мамы навещали нас родные, но к отцу никого еще не пускали. Я виделась с Кузминским, с Поливановым. Анатоля в Петербурге не было, чему я была рада.

Пребывание мое в Петербурге казалось мне продолжительным. Оно было так непохоже на то, как я была здесь два года тому назад, и одна лишь милая Верочка уносила меня немного в молодой мир. Она, по настоянию отца, гуляла, каталась со мной и делала со мной кое-какие покупки.

Мама рассказывала нам о страданиях Льва Николаевича:

— Хотя ему и вправили руку, но все же я не очень надеюсь на его выздоровление. Уж очень плохи тульские хирурги, да и сам Лев Николаевич неосторожен.

Говорили и про Соню, что девочка ее славная, здоровенькая, и Соня сама кормит ее.

А Варенька и Лиза в Ясной? — спросила я.

Как же, они все время с Соней; очень милые девочки, — прибавила мама.

— Счастливые, — чуть не со слезами сказала я.

Лиза и я поехали домой; нас посылала мать: дом остался без хозяев. Мне мама поручила надзор над домом и деньги, Лизе — детей и все хозяйство.

¹⁾ По-английски — дитя.